Иван Медведев (Русская сказка)

Досюль шол поп батько в церьков, служил ён до полуобедни и пришол ёму́ такой лист, что «батько, будешь ты в один час бедный и богат». И ён взял этот лист, розорвал и на́ огни сожог. Потом батько этот обедню дослужил, весь народ с церкви вышоў, никто ничого не видаў, а батько вышеў, увидаў оленя над воро́тмы золотого, и ён давай этого оленя јимать. Олень от нёго́ дале, и ён в след. Этот олень ёго манил оченно далёко. Прибежали ёны́ к речки. Этот олень через речку скачил и спать свалился, а этот батько переходи́ть — да и перешоў кой-как через речку. Олень этот и потерялся в речки от него, ушоў, и ён сел на кусток, давай плакать, и пришоў к нему медведь, и ён с эстой медведицей жиў в пагмы (жил с ей), и сподоби́л этой медведице батько брюхо, и ро́дила эта мидведиця сына. Этот батько сам ёго́ крестил, даў ему имя Иван Медведев. И ён, этот Иван Медведев, стал в одну неделю оченно болшой и силен и этому батюшке говорит: «Что же ты, батюшко, хорош, а матушка у нас мохната?» А батько ему говорит: «Я сам есть из деревни, батько, а мать твоя мидведиця». — «А что, батько, мы, ска, от ней побежим домой». Ёны побежали. Как побежали, сколько там бежали, она и набежала в слид и их назад и воротила, и опеть на дру́гой день она ушла (с пагма). Оны опеть побежали. Как она набежала в слид, так сын говорит, Иван Медведев: «Где хочешь ити назад, ступай, а то сечас смерть придам». Она от них никак не отходит, всё с нима бу́ритця. Этот Иван Медведев взяў ю за лапы, тряхнул; она на мелки церепья розлетелась. Видит батько тут: с этого сына беда, в три недели сила какая у него сшибла.

И пришли ёны́ домой, и попадьи говорит: «Вот я тиби сын привёў». И легли оны с попадьей спать, попадья и скажет: «Что ты, три года ко мне не косался, а топе́ря косаться стал?» Он говорит: «Что ты, попадья, я три года вовсе и дома не бываў». Поу́тру встали, да он попадье и говорит: «Ну попадья, что мы будем с сыном делать? Ён нас, ска, убьёт. Пошлём мы его за́ лошадью, гди мидведях много, оны его съедят». И ён шоў туды в лес, зашоў к мидведям, где их боле ста́до, который больше всих, того и выбраў и сиў на нёго́ и при́гнал домой, к ступе́ням поставил. «Ну, батько, ска, куды мни ко́ня класть?» Ёны в окно зглянули. «Ох, беда, мидведя домой пригнаў! Пускай, скаже, тут стоит у ступе́ней; поди сходи к мельници, в мельници сидит дьякон и возьми его домой». И ён пришоў, этот Иван Медведев, в мельницю, сидит водяник на русла; пыймаў его за́ волосы и притянуў домой

(и тут смирти нету). Поп го́ворит: «Ох, беда, попадья, водяника́ домой привёў, и там смирти нет, топерь беда; куды девать? Ну, попадья, пошлём его туды, гди сила большая, я напишу записку, чтоб его там убили». Этот батько взяў написаў записку и отправиў их туды: «Подите, получитя деньги». Оны сели на мидведя, поехали с водяником и приехали туды. Этот Иван Медведев посылаат туды водяника прежде с этой запиской, и ёны как взяли у него записку, и видят: убить-то таких-то, и оны давай с ним бороться, его убивать; он не поддаетця. Ён, этот водяник, их по́ двое, по́ трое по́д руку кладёт. Потом пришол сам самый главный, сильний. Водяник кликнул Ивана Медведева на вы́руку, сбороться с нима не може болше, так Иван Медведев на выруку пришоў. Иван Медведев пришоў, так мало их и всих стало. Ён их всих перекокаў (переубиў). Один главный у них остаўся и стаў молиться у них: «Оставьтя, а возьте вот капиталу, сколько вам надо». И ён им нада́л, что нисвидимо. Ёны сели опеть на мидведя и поехали домой. Приехали опеть к ступе́ням; батько в окно зглянуў. «Ох, беда, попадья! Опеть домой приjихали». Потом видит этот Иван Медведев, что ёны очень спугались его; потом этот Иван Медведев говорит: «Батько, спусти меня в роботники». А этот капитал он весь попу батьку отдал, что ему там дали, и ён пошол в роботники, а этого дьяка опять в мельницю назад на русла и стащил. И этот Иван Медведев шоў, шоў, шоў, приходит ён к ламбы (к о́зёру); в этом о́зёре у́дит водяник в лодки брёвно удовищем, а бела лошадь у́ткой (на что рыбу приманивают), и ён говорит: «Бог помоць, товарыш, ох ты какой, товарыш, сильный». А он ему говорит: «Ох, я не сильний, скаже, я сильний не сильний; есть, ска, Иван Медведев сильний». — «А я то, скаже, есь» (Иван Медведев ему говорит). — «Ну, возьми же, меня, скаже, в други́х». И ёны двое пошли. Шли далёко ль близко, пришли к го́ры высокой, стоит мужик и эту гору из ру́ки на́ руки перекатыва: «Бог помоць, товарыш. Ох, ты какой сильний». Он скаже: «Я сильний, не сильний, вот есть как Иван Медведев сильний, так вот сильний». А Иван Медведев говорит: «Я то и есть», — скаже. «Ну, возьми же меня в третьих». Их стало уж и трое, ну и пошли опеть вперёд. Шли далёко ли близко, опеть пришли: стоит мужик, делаа огоро́ду о́т земли и до́ нёба из бре́вен. Оны говорят ему: «Бог помоць, мужицёк, ох ты какой, ска, сильний». — «Нет, ска, я сильний не сильний; есть, ска,; Иван Медведев, так сильний». Иван Мидведев ему на место отвечав, что «Я то и есь». — «Ну возьми же меня вслед». Их уж стало че́твёро. Пришли оны в чисто поле, убили оны четы́рех быков четырелетних. Иван Мидведев говорит: «Ну, робята, будемте дом строить». И оставили одного перьвого водяника быка варить, а самы по́шли бре́вен рубить. Он вариў, вариў, выстала бабка с-под земли́, ёго взя́ла, кла́ла под колено и

сама щи выхлебала, и потом щи выхлебала и сама ушла. Тут мужик видит: «Эка беда!» Пришли к нему обедать, Щи у него худыи. «Что же у тебя, ска, щи худыи?» — «А я, ска, лес сподобляў, а вороны всё мясо вы́носили». Потом оставили другого (который гору перекатываў). И ён опеть вариў, вариў быка, и эта старуха выстала, его под колено, и сама щи выхлебала. Опеть пришли к нему обедать: «Что же у тебя, опеть, скаже, щи худыи?» — «А лес сподобляў, скае, а сороки да вороны мясо выноси́ли». Третий остаўся опеть, третёго быка варить; опеть старуха выстала да и опеть его под колено, и щи и выхлебала. Опеть пришли к нему обедать, щи опеть худыи. «Ну что же у вас, ска, щи худыи? Которого не оставь, щи у всих у вас худыи». Иван Мидведев говорит: «Да-ка, я, ска, теперь останусь четвёртого быка варить». Он вариў, вариў, она с под земли и выстала и его хочет поймать. Иван Мидведев ей говорит: «Ах ты, старый чорт! Ты у нас вси щи выхлебала». И давай и ён с ней бороться. Иван Мидведев ю изборол: «Хошь знать — я сеча́с ти смерть придам». — «Пожалуста, скае, спусти на этот раз, я лучше за тебя дочку отдам». Пришли к нему обедать, ён спустиў эту стару бабку, ёна опеть на старо место ушла. Пришли к ему убедать, так у него щи хоро́ша. «Ох вы, скаже, мозгляки, е́ще вы считаетесь сильни и уда́лы, и этой вы старухи сбороть не могли». Взяў канат доўгой и предоўгой. «Ну, робята, спуститя меня в землю́ сюды́». И ёны взяли его туды и спустили, и ён приходит к этой бабкы туды. В эфтом доми девиця молодцю принравилась. Ён пришоў и этой бабки ниту, одна девиця сидит. Эта девиця в молодця очень влюбилась и говорит этому молодцю: «Мать, как придёт, бу́дёт вином потчивать тебя, ты с левой руки бутыўки не бери, а с правой бери, с правой руки водка сильнеа». Несколько́-то времени там промешкали, она и пришла, взя́ла вино и начала ёго потчивать, зятюшка (свадьба всё впереди, мать вишь ходила по роду, сберать на свадьбу). С правой руки ёму вина не даваэ, а с левой, а ён с левой не берёт. «Ницьи смы́сла, горогу́шина» (эта дочька, вишь, сказала). Ну ёна принуждена уж с правой руки ему вина дать. Ёны взяли и выпили, одна выпила с левой руки, другой с правой. И ён так быў си́лен, а тут еще́ гораже стал сильней. Те́ща и говорит: «Теперь, зять, давай боротьця со мной, потом дочку дам за тебя» (свадьбу бу́дём играть). Ёны как стали бороться, ёна и рук с ним поправить не може. Потом ёны на́чали свадьбу играть, свадьбу оны сыграли, потом спреже взяли, здынули по этому канату живот (этот невестин) — приданно, потом за канат туды невесту туды потянули (на́ землю туды в верёх с-по́д земли). Потом ю, как туды здынули, молодци тройкой видят, что она очень хороша. Потом и его потянули, до половины тянули, потом канат отрубили, туды назад. И ён полетел, пови́дай и куда́. Потом ён пошоў — не видать света белого: всё

ровно как тёмная ночь, в такоэ место улетеў, что как тёмнаа ночь. Ён ходиў, ходиў, ходиў несколько-то годов и всё свету не видел. Потом показалась ему одна звездоцька, и ён по этой звездоцьки шоў, шоў; пришла ему избушка. «Избушка, избушка, — говорит, — повернись туды дворьцём, сюды крыльцём; мни не век вековать, одна ночька ночовать». Пришоў — избушка повернулась, ён и зашоў в эфту избушку. Лежит баба — ноги на лавки, го́лова на пороги, а титьки на ошошки (что в печь вкладывают, ошош — гди ва́рят, которая пли́та, так тоэ место). «Фу, фу, фу, фу, слыхом не слыхала, видом не видала, руський дух в избу́ зашоў». — «Ничого, ничого, бабушка, не успела бы выспрашивать, не успела бы выведывать, баенку истопила бы, покормила бы и спать положила бы, то что бы и выспрашивала». Она сичас байну стопила, в байну сводила и покормила, и напоила, и спать повалила. И на́чала выспрашивать. «Ну, откуда ты, молодець, из каких мест здись находишься?» — «Вот, бабушка, так и так; вот у такой-то я старушки дочку за себя взбраў, потом ю туды на́ землю здыну́ў, а миня́ взад и спусти́ли. Не знаэшь ли, как бы мни попасть в тую землю́ (на тыи земли́)?» — «Ох, молодец, как трудно тиби попадать туды, оченно далеко́. Есь у миня сёстра́ за десеть вёрс, и есь у ней птиця такаа, что она туды свезёт тибя; и молись у ней, хорошенько проси, штобы да́ла этой птици». Ён и скаже: «Ну, не сном мни дорожку коро́тать, зобо́ткой». И ён и отправиўся. Опеть шоў, шоў, шоў и опеть пришоў к эхтой избушки и зашоў ён в эфту избушку. «Фу, фу, фу, фу, слыхом не слыхала, видом не видала, вдруг появиўся руський дух, в избу́ зашоў». — «Ничого, ничого, бабушка». — «Ну с каких ты, молодець, мест здись находишься?» — «Есь я, сказке, с таких-то мест и у эдакой-то бабушки браў дочьку за сибя и потом я ю туды на верёх, на́ свою зе́млю здынуў, а меня потянули да и взад спустили». — «О, да, скаже, ты это мо́эй сестры́ зять». — «Как бабушка, скае, не знаэшь ли, как мни попадать в ту́ю землю́?» — «Не знаю, скаже, как тиби попадать». — «Скажи, бабушка, у тебя, сказали, есь птиця такая, дай мни ю, чтобы она миня туды доста́вляла, в свою землю́». Ёна́ птицю и да́ла, и ён на́брал мяса ей, сеў на верёх, ёна́ и полетела. Летела, летела, и ён взял мяса — ногу и даў. Ёна съела, опеть и полетела. Чуть лишь полетела, у него шапка с го́ловы и слетела. «Ай, погоди, птиця, скае, у миня шапка с головы́ слетела». — «Охо, скае, молодець, далёко до твоей шапки добератця; за тысяцю вёрст твоя шапка». Опеть летели, летели, птиця опеть јись захотела; ён и другую ногу мяса (говядины) даў јись, она съела, опеть и полетела. Опеть летили, летили, летили далёко, боля у него мяса нету, а птиця јисть захотила, лететь болше не может. Ён взяў свою́ ногу́ (но́гу) отрубиў и даў јисть ей. Ёна опеть ногу съела и полетела, и прилетели на́ свою зе́млю, и этому молодцю весь свет

показаўся. Эта птиця взя́ла в кру́жки повернулась и сделалась но́га; эта птиця взяла приклала к ёго-то но́гу, дунула, да нога по-старому стала, на старом мести [«Что значит в кружки?» — «А сам пови́дай, не знаю»]. Ён эту птицю накормиў и отправиў туды назад в ту́ю землю, и сам пошоў в свой дом туды в чисто поле, гди оны дом строили, бы́ков варили. Там у них свадьба ведетьця; десять годов всё свадьбу играют, ду́-дружку (ду-дру́жку) не давают: один берёт к себи, а другой к себи и трете́й еще́ к себи и всё свадьбу сыграть не могут. Ён как в избу́ пришоў, ёны́ сидят за́ столом (за столо́м) — невеста. Эта невеста ёго как увидела, скоцила с за́столья к нему на ворот. «Вот гди мой муж! Хто знаў миня искать да брать, тот пусь знаэ и держать».

Потом ёны повенчались с ней. Ён, как повенчались, взяў всих тро́их на воротах росстреляў, ну и с жонкой ушоў к о́тцю да к матери жить, и стали оны жить да быть да добра наживать. Ту́т маа сказка, ту́т маа повись, да́й хлеба поjись, в городи я была, мёд я пила, чашка с ды́рой, рот кри́вый, по́ губам всё вытекло, в рот не попало.

(Записана от Лукерьи Филимоновны Марковой 21-22 лет в Тавой-горе Петрозаводского уезда.)

Ончуков Николай Евгеньевич. Северные сказки: Архангельская и Олонецкая гг. СПб. 1908.